

Lettre en russe à Émile Zola

Les folios

En passant la souris sur une vignette, le titre de l'image apparaît.

3 Fichier(s)

Relations

Ce document n'a pas de relation indiquée avec un autre document du projet.□

Citer cette page

Lettre en russe à Émile Zola

Centre d'Étude sur Zola et le Naturalisme & Institut des textes et manuscrits modernes, CNRS-ENS ; projet EMAN (CNRS-ENS-Sorbonne Nouvelle).

Consulté le 10/08/2025 sur la plate-forme EMAN :

<https://eman-archives.org/CorrespondanceZola/items/show/7205>

Informations éditoriales

Éditeur de la ficheCentre d'Étude sur Zola et le Naturalisme & Institut des textes et manuscrits modernes, CNRS-ENS ; projet EMAN (CNRS-ENS-Sorbonne Nouvelle).

Mentions légales

- Fiche : Centre d'Études sur Zola et le Naturalisme & Institut des textes et manuscrits modernes, CNRS-ENS ; projet EMAN (CNRS-ENS-Sorbonne Nouvelle). Licence Creative Commons Attribution - Partage à l'Identique 3.0 (CC BY-SA 3.0 FR).
- Image : Document reproduit avec l'aimable autorisation des ayants droit d'Émile Zola. Toute reproduction du document est interdite sans autorisation des ayants droit. Les demandes peuvent se faire à l'aide du formulaire de contact.

Notice créée par [Jean-Sébastien Macke](#) Notice créée le 09/10/2019 Dernière modification le 21/08/2020

Февраль 7го 1898 года Бердянск

Иного Уважаемого и почтеннейшего баронов
или Сына Уважаемого Мистера Генри
Спрашиванием благодарю

Джинс Зод в Тарасе

Надежда на то что
ваша команда
будет счастлива

Прислано при этом письму из газете
под названием заключение нашем членом
заслуженного судебного офицера Юрист
Сенатора Закревского по поводу засла-
го процесса Дрейфуса. При этом прис-
лано письмо в бланке упомянутой им
бывшей парижской адвокатской конторы
Mr Rosein (сумма восьми тысяч франков заработка
что показывает участь не мало) Всю эти
согласия от министра Ген Закревского
Мы очень интересуем получили и ви-
сите приложение и перевели наше письму
на французский язык, и показали
такому же французскому Газетчику. Пра-
щаемся за отрывок мои Адресс
Бердянск № 25 Леону Дюкло

Однажды и предупредив как Вам Леон Дюкло.

судили во мракѣ,— никто до сихъ поръ не знаетъ, какіе обстоятельства и мотивы положены были въ основаніе обвинительнаго и оправдательнаго приговоровъ. Благодаря этому мраку, осталось не опровергнутымъ чудовищное заявленіе, что Дрейфусъ былъ осужденъ на основаніи доказательствъ, не предъявленныхъ при судебнѣмъ слѣдствіи, показанныхъ судьями только въ соѣзжательной комнатѣ, когда подсудимый уже не могъ представить никакихъ опроверженій. Если это такъ было, — а, по посаѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, генераль Мерсье въ томъ созналъся, — то судъ надъ Дрейфусомъ не былъ судомъ, а застѣнкомъ, воспроизведеніемъ испанской инквизиціи. Если, въ дѣйствительности, было допущено подобное вошпющее нарушеніе вскихъ формъ процесса, то хотя бы не только бывшій военный министръ Бидль поклялся на трибунѣ, что онъ убѣждѣнъ въ виновности Дрейфуса, но если бы всѣ министры Франціи примиесли такую же клятву, — что всѣ они въ совокупности и каждый въ отдельности въ томъ же убѣждены, — тѣмъ не менѣе, оставалось бы только пригласить этихъ министровъ посыпать головы свои пепломъ, ибо ни одно уважающее себя правительство не должно допускать такихъ безобразій. Никакіе крики о «чести арміи» не въ силахъ заглушить голоса людей, которымъ дороги начала правосудія, такъ какъ без нихъ ни одинъ цивилизованный народъ жить не можетъ.

Г. Закревскій далѣе указываетъ на то, что не было надобности закрывать двери засѣданія даже по политическимъ соображеніямъ, если уже находили нужнымъ дѣло о шлюнистѣ передать на разсмотрѣніе суда.

Когда вы идете въ судъ, когда вы отводите туда подчиненнаго вашего, взвѣда на него тяжкое обвиненіе, требуя для него строгаго, на основаніи закона, наказанія, то являетесь же съ оправдателными средствами, — съ доказательствами, не боящимися свѣта, дѣйствуйте способами, дозволенными законами цивилизованного міра, въ особенности, не щепчите съ

НАША ПЕЧАТЬ

** Извѣстный юристъ и судебный дѣятель сенаторъ Закревскій подробно рассматриваетъ въ «Юрид. Газ.» дѣло Дрейфуса-Эстергazi исключительно съ юридической стороны.

Дѣло это, говорятъ онъ, — особенно любопытно для юриста, такъ какъ оно стъ поразительную наглядность подтверждаетъ, какъ опасно гдѣ либо, когда-либо и подъ какими-либо предлогами отступать отъ коренныхъ началъ правосудія, примишивать къ дѣлу суда политические вопросы и не соблюдать существенныхъ обрядовъ судопроизводства.

Указавъ на чисто національныя свойства французской націи, примышавшейся къ разбору настоящаго дѣла, г. Закревскій замѣчаетъ:

Однако, то, что особенно ново и печально въ послѣднихъ событияхъ, совершившихся во Франціи, это — звѣрское проявленіе, такъ называемаго, антисемитизма.

Кто могъ бы подумать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двадцать, тридцать лѣтъ, что на французской землѣ, которая родила Вольтера и сыны кѣторой гордится тѣмъ, что они первые торжественно признали предміромъ, что всѣмъ людямъ, независимо отъ происхожденія и отъ убѣжденийъ, отъ племени и отъ религіи, принадлежать одинъ и тѣ же человѣческія права, — что тамъ, въ этой скептической и свободной Франціи, раздадутся дикие крики: «жидъ, жидъ, ату его! бей жидъ!... Пусть бы это дѣжалось въ другихъ об-

щадахъ, не совращайте ихъ вашими «агентурными свѣдѣніями». Все это, кажется, было нарушено въ дѣлѣ Дрейфуса, да къ тому еще — судъ офицерскій, военный, особенно склонный къ патристическимъ увлеченіямъ, приходящимъ въ восторгъ при возгласахъ о «чести мундира» — изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства, а всикія такія изъятія никогда не вселили къ себѣ особенного довѣрія. Въ Англіи, напримеръ, когда военный судъ приговорить подсудимаго къ тяжкому наказанію, то хотя такой приговоръ и окончательный, и не подлежитъ обжалованію, но, въ случаѣ просбы подсудимаго о помилованіи, по существующей практикѣ, все производство отсылается распоряженіемъ ministra внутреннѣхъ дѣлъ, на разсмотрѣніе коллегіи изъ двѣнадцати гражданскихъ судей, которые и даютъ свое заключеніе.

Дѣло Дрейфуса-Эстергazi останется памятникомъ тѣмъ,

что оно, съ одной стороны, вызвало протестъ во имя высшихъ интересовъ правосудія противъ исклучительныхъ судовъ, противъ брачанія оружіемъ въ таѣ області, где должна царствовать одна Фемида, противъ тайнаго, инквизиціоннаго суда, противъ нарушения существенныхъ формъ судопроизводства подъ предлогомъ соблюденія политическаго приличія, а съ другой стороны — упомянутое дѣло доказало, какіе грубые инстинкты еще кроются въ народѣ, причисляющіемъ себя къ числу самыхъ образованныхъ, и какъ легко среди современной цивилизациіи вызвать не только въ массахъ, но и въ среднихъ слояхъ общества проявленіе звѣрскихъ страстей.

ществахъ, не имѣющихъ такого прошедшаго, какъ французское. Но Франція стыдно проявлять подобные признаки зоологического регресса.

Послѣ бѣглого исторического обзора пресловутаго «двойного» дѣла г. Закревскій говорить:

Правительство выступило противъ Эстергази неохотно, какъ бы по принужденію, не скрывая отчасти предвзятаго взгляда своего, что офицеры, судившіе Дрейфуса, не могли допустить судебной ошибки, и что агитация, направленная къ возстановленію его добраго имени, ничто иное, какъ недобровѣтная продѣлка, во главѣ которой стоитъ компанія евреевъ.

Военные кружки отнеслись сочувственно къ подобному направлению. Заговорили о «чести арміи», ни къ чемъ тутъ непричастной. Дѣло сразу сошло съ юридического пути; вместо спокойнаго, безстрастнаго разбора жгучаго вопроса—не наказанъ ли невинный, кто бы онъ ни былъ, евреи или христіанинъ, и какимъ бы судомъ ни быть осуждены онъ, военнымъ или гражданскимъ?—вместо торжественнаго слова правосудія раздались голоса страсти и ненависти. Дѣло опустилось въ омутъ неизбданной газетной браны, уличныхъ схватокъ, парламентскаго бокса. Посыпались крики: «да здравствуетъ армія, бей жидовъ!»...

Не отрицая того, что въ вопросѣ о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса французскимъ правительствомъ была соблюдена формальчайшая сторона, тѣмъ не менѣе, г. Закревскій указываетъ на то, что

постоянно замѣчалась предубѣжденностъ его взгляда, выражавшагося въ томъ, что оно допустило внести въ дѣло вполнѣ судебнаго свойства такой посторонний, все запутавший политическій элементъ, какъ вопросъ о «чести арміи», которая, конечно, страдаетъ отъ того, когда въ рядахъ начальствующихъ въ ней лицъ оказывается множество политиковъ и интригановъ и обнаруживается между ними болѣе казнѣй чѣмъ уваженія къ дисциплинѣ. Но, говорить г. Закревскій, — эта честь ни малѣйше не была бы затронута, если бы, действительно, было установлено, что военный судъ ошибся по несоблюдению ли извѣстныхъ формъ процесса, по подложности ли представленныхъ ему доказательствъ, или, вообще, потому, что анѣ одному изъ людей или изъ человѣческихъ учрежденій не свойственна непогрѣшимость.

Въ концѣ-концовъ, несмотря на стремление французского правительства поступать сдержанно и корректно, впечатлѣніе изъ всего дѣла получилось самое тяжелое.

Общественная совѣтъ, по крайней мѣрѣ, насколько она выражается не уличными криками и любителями парламентскихъ кулачныхъ боевъ, а спокойными и просвѣщенными людьми, осталась совершенно неудовлетвореною. Многіе изъ этихъ людей вынесли такое чувство изъ всего прошедшаго, какъ будто допущено величайшее беззаконіе. Форма и формальные поводы къ пересмотрю отошли на задний планъ. Заговорило живое человѣческое и гражданское чувство. Отсюда хлесткій и забористый протестъ Золя и многихъ лицъ, къ нему присоединившихся. Отсюда выраженіе сочувствія, предметомъ котораго стала французскій романістъ со стороны многихъ иностранцевъ, такъ какъ дѣло Дрейфуса-Эстергази перешло за границы Франціи и заинтересовало весь образованный міръ. Достаточно указать на огромное число журнальныхъ и газетныхъ статей, написанныхъ объ этомъ дѣлѣ на всѣхъ языкахъ.

Особенный интересъ разматриваемаго дѣла, по мнѣнію г. Закревскаго, заключается въ томъ, что оно знаменуетъ собою полный